

По нашему мнению, признак особой жестокости охватывает и понятие «садизм». Под садизмом могут пониматься любые насильственные действия, которые носят характер мучений и истязаний. В судебной психиатрии садизм рассматривается как самостоятельное психическое расстройство, связанное с сексуальными переживаниями, которые испытывает лицо, мучая и истязая свою жертву [3, с. 96].

Таким образом, особая жестокость при совершении убийства, закреплённая в пункте б части второй статьи 139 УК, представляет собой квалифицирующее обстоятельство, позволяющее охарактеризовать повышенный уровень общественной опасности самого деяния, определяемый способом совершения преступления, а также обстановкой и другими обстоятельствами его совершения, осознаваемыми виновным.

© Ложко У. Ю., Кифарюк Д. А., 2015

Список цитируемых источников

1. Андреева Л. А. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 421 с.
2. Бородин С. В. Квалификация убийств по действующему законодательству. М. : Юрид. лит., 1966. 511 с.
3. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их выражение в юридических признаках состава преступления / под науч. ред. В. Д. Филимонова. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 389 с.
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 дек. 2002 г. № 9. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1979. Т. 2. 877 с.
6. Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : Конвенция ООН : принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 19 дек. 1984 г. Доступ из инф.-поисковой системы «ЭТАЛОН».
7. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 389 с.

УДК 343.35

В. В. Лосев

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исследованы отдельные проблемы криминализации коррупционных преступлений, проанализированы примеры несоблюдения правил законодательной техники при формулировании уголовно-правовых норм. Делается вывод о необходимости системного подхода к криминализации (декриминализации), обеспечения соответствия между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) для правильного понимания и применения уголовного закона на практике.

Криминализация (декриминализация) относится к основным направлениям уголовно-правовой политики наряду с толкованием уголовно-правовых норм, санкционным обеспечением, применением мер уголовной ответственности и т. д. Изменения и дополнения в статьи Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), определяющие ответственность за коррупционные преступления, вносились с 2001 года неоднократно. Изменялись не только санкции, но также и диспозиции статей, в том числе главы 35 «Преступления против интересов службы» УК. Однако процессы криминализации (декриминализации) не всегда были последовательны и логичны, что вызывает существенные затруднения в понимании уголовного закона и его применении на практике.

В качестве одного из мероприятий концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672, названа проработка вопроса о декриминализации отдельных преступлений против интересов службы. Вместе с тем с 2010 года изменений ни в направлении декриминализации, ни по пути криминализации пока не произошло.

Последние существенные изменения в статье главы 35 УК были внесены законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 года № 42-3, т. е. ещё за полтора года до принятия названной концепции. Тогда в качестве обязательного признака основного состава преступления в понятия злоупотребления властью или служебными полномочиями (статья 424 УК) и бездействия должностного лица (статья 425 УК) были включены альтернативные мотивы — корыстная или иная личная заинтересованность (ранее эти мотивы имели характер не обязательных, а квалифицирующих признаков). Тем самым произошла частичная декриминализация: злоупотребление и бездействие, совершённые не из корыстной и не из личной заинтересованности, а по другим мотивам, к примеру, из ложно понятых интересов службы, сегодня преступлениями уже не являются, даже если наступили общественно опасные последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда. Других составов преступлений против интересов службы декриминализация пока не коснулась.

Одним из правил криминализации является отсутствие пробелов в законе. Соблюдено ли это правило применительно к статьям главы 35 УК? Следует ответить отрицательно. Обратим внимание, как изначально были сформулированы общественно опасные последствия в статьях 424—426 УК, устанавливающих наказуемость, соответственно, злоупотребления властью или служебными полномочиями, бездействия должностного лица и превышения власти или служебных полномочий: ущерб в крупном размере или существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. Значит, при определении перечня альтернативных последствий законодателем сразу были упущены в качестве охраняемых уголовным законом неимущественные интересы коммерческих и некоммерческих юридических лиц негосударственной (частной) формы собственности, в том числе совместных и иностранных, тогда как причинение им вреда тоже может представлять существенную общественную опасность. Во-первых, в таком виде статьи 424—426 УК не согласуются с конституционным положением о том, что государство «гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности» (статья 13 Конституции Республики Беларусь). Во-вторых, вне пределов криминализации остались (и тем самым уголовно не наказуемы) случаи причинения в результате должностного нарушения существенного вреда юридическим лицам негосударственной (частной) формы собственности, что логичным и обоснованным назвать никак нельзя. Российское уголовное законодательство в этой части более совершенно: в статьях 201, 202, 285—285-3 Уголовного кодекса РФ говорится о причинении существенного вреда не только интересам отдельных граждан, общества или государства, но ещё и интересам организаций. То же можно сказать и об Уголовном кодексе Украины, в статьях 364, 364-1 и 365-2 которого в качестве одного из последствий назван существенный вред интересам юридических лиц.

К правилам законодательной техники формулирования уголовно-правовых норм относятся, наряду с иными, стройность нормы, внутренняя согласованность, единообразие использования технических приёмов построения, максимальная компактность изложения, строгость стиля, ясность языка, определённость терминологии и др. Однако правило «максимальная компактность изложения» очевидно входит в противоречие с некоторыми другими, прежде всего, с «ясностью языка». Строгое следование одному правилу формулирования норм в ущерб иным приводит к проблемам в понимании уголовного закона.

К примеру, часть третья статьи 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями» УК (в редакции закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-3) устанавливает ответственность за «действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершённые должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, либо повлёкшие тяжкие последствия». Похоже сформулирована часть третья статей 425 и 426 УК.

В связи с внесёнными в УК изменениями возникает вопрос: сейчас в части третьей статей 424—426 УК указаны квалифицирующие признаки или сформулированы самостоятельные (основные) составы преступлений против интересов службы? Рассмотрим проблему на примере части

третьей статьи 424 УК. Как уже отмечено, злоупотребление, совершённое не из корысти и не из иной личной заинтересованности, а по другим мотивам, с 2009 года преступлением уже не является, даже если наступили последствия в виде ущерба в крупном размере либо существенного вреда. Подобное злоупотребление условно можно назвать «некоррупционным» (поскольку отсутствуют «коррупционные» мотивы), это дисциплинарный (или, в некоторых случаях, административный) проступок.

Как тогда квалифицировать злоупотребление, совершённое не из корыстной и не из иной личной заинтересованности, но при наличии одного из признаков, предусмотренных в части третьей статьи 424 УК, т. е. когда такое «некоррупционное» злоупотребление, в частности: а) было совершено должностным лицом, занимающим ответственное положение, или б) было совершено при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества?

Проблема заключается в следующем. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 года в части третьей статьи 424 УК внесено только редакционное изменение, обусловленное исключением из статьи 424 УК части первой. По-прежнему в части третьей статьи 424 УК устанавливается ответственность за «действия, предусмотренные частью 2, совершённые...». Тогда возникает следующий вопрос: что же следует понимать под «действием, предусмотренным частью 2»? Возможные варианты: а) только собственно действие без последствий независимо от мотива, или б) действие, обусловленное мотивом, не включающее наступление каких-либо вредных последствий, или в) полностью определение понятия злоупотребления властью или служебными полномочиями (часть вторая статьи 424 УК), включающее как мотивы, так и последствия.

Строго говоря, в понятие «действие» как элемент объективной стороны последствия не включаются. Поэтому в первом случае, если толковать буквально, преступлением, квалифицируемым по части третьей статьи 424 УК, необходимо признавать любое злоупотребление, допущенное: а) должностным лицом, занимающим ответственное положение, или б) при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, причём в каждом случае независимо от наступления последствий (в том числе вовсе без причинения какого-либо вреда) и даже при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности.

Во втором случае, если в понятие «действия, предусмотренного частью 2» включать также мотивы — корыстную или иную личную заинтересованность, преступлением (часть третья статьи 424 УК) надо признавать любое злоупотребление допущенное: а) должностным лицом, занимающим ответственное положение, а также б) при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества, если они были совершены при наличии одного из «коррупционных» мотивов, независимо от наступления последствий, в том числе и без причинения какого-либо вреда.

Надо ли в этих случаях понимать, что в части третьей статьи 424 УК, кроме материального состава, включающего наступление тяжких последствий, сформулированы ещё два самостоятельных (основных) формальных состава злоупотребления властью или служебными полномочиями? Представляется, что нет. Неудачная формулировка части третьей статьи 424 УК в результате нарушения правил законодательной техники может приводить к неограниченному расширению уголовной репрессии в отношении, в частности, лиц, занимающих ответственное положение. Все-таки следует полагать, что в части третьей статьи 424 УК предусмотрены квалифицирующие, а не обязательные признаки состава.

Поэтому под «действием, предусмотренным частью 2», надо понимать полное понятие злоупотребления властью или служебными полномочиями, сформулированное в части второй статьи 424 УК, которое включает в качестве одновременно обязательных признаков и мотивы, и вредные последствия. Признаки, указанные в части третьей статьи 424 УК, характеризующие специального субъекта («должностное лицо, занимающее ответственное положение») и сферу совершения преступления («при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества») следует признавать квалифицирующими.

Только злоупотребление властью или служебными полномочиями, которое было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло одно из трёх обязательных последствий (часть вторая статьи 424 УК), будет признано преступлением и для должностного лица, занимающего ответственное положение, и при осуществлении функций по разгосударствлению или приватизации государственного имущества.

Были определены лишь отдельные проблемы криминализации коррупционных преступлений. Задачей доклада не могло быть решение проблем, для этого требуется время, его цель — активизировать дискуссию и вернуть интерес к теме. Сейчас требуется теоретическая проработка в целях приведения редакции статей главы 35 УК в соответствие с правилами законодательной техники. Системный подход к криминализации (декриминализации), соблюдение правил законодательной техники позволят обеспечить соответствие между формой закона (текстом) и его сущностью (замыслом законодателя) и, тем самым, правильное понимание закона на практике, соблюдение принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности.

© Лосев В. В., 2015

УДК 343

И. В. Лосев

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ОСНОВА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ВЕРХОВНОГО СУДА И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется дискуссионный вопрос возможности признания судебной практики в качестве источника права в странах с романо-германской системой права. Сделан вывод о том, что правоприменительная практика как решения конкретных органов по конкретным делам не признается источником права в Республике Беларусь. Вместе с тем не являются собственно правоприменительной практикой, однако основаны на практике применения права акты Конституционного Суда Республики Беларусь, постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, акты Генерального прокурора Республики Беларусь, постановления и приказы республиканских органов государственного управления. Будучи по своей природе и в соответствии с законом нормативными правовыми актами, они обосновано признаются источниками права в Республике Беларусь.

Обычно в теории права называют четыре вида источников права: нормативный акт, судебный прецедент, санкционированный обычай и договор. В странах англо-саксонской системы права основным источником права является судебный прецедент, под которым понимается судебное решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при разрешении аналогичных дел. Признание судебного прецедента источником права свидетельствует о признании того, что правотворческой деятельностью в Великобритании, Австралии и других странах англо-саксонской системы права занимаются не только законодательные, но и судебные органы всех уровней.

В Республике Беларусь, относящейся к странам с романо-германской системой права, основным источником права выступает нормативный правовой акт. В соответствии со статьёй 1 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года № 361-З (редакция от 2 июля 2009 года) «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», нормативный правовой акт — это официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путём референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределённый круг лиц и неоднократное применение.

Долгое время в теории права остаётся дискуссионным вопрос: можно ли признавать судебную практику в качестве источника права (наряду с нормативными правовыми актами) в странах с романо-германской системой права? Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поэтому его разрешение остаётся актуальным и для Республики Беларусь на современном этапе. Причём надо вести речь не только о судебной практике, но и в целом о правоприменительной